

Лингвосинергичное структурирование картины мира

© 2018 Алефиренко Н. Ф. ¹, Аглеев И. А. ², Кеснер Й. ³

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия; e-mail: n-alefirenko@rambler.ru

² Астраханский государственный университет,
Астрахань, Россия; e-mail: iskrist@list.ru

³ Университет Градец-Кралове,
Чехия; e-mail: jindrich.kesner@gmail.com

РЕЗЮМЕ. Цель статьи – рассмотрение основных терминов теории лингвистической синергетики и определение ее места и роли в моделировании картины мира. **Методы:** сопоставление исследуемого материала, компонентный анализ фразем. **Результаты.** Авторами обращается внимание на их взаимодействие в когнитивно-дискурсивных исследованиях, анализируются примеры структурной асимметрии культурем в разных лингвокультурах. **Выводы.** Моделирование картины мира – область лингвосинергичной семиотики, охватывающей диахроническую концептосферу в сопряжении с современной моделью, связывающей отдельные слои целостного гештальта этнокультуры.

Ключевые слова: дискурс, лингвистическая синергетика, целостная мыслительная структура, парадигматические и синтагматические отношения.

Формат цитирования: Алефиренко Н. Ф., Аглеев И. А., Кеснер Й. Лингвосинергичное структурирование картины мира // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2018. Т. 12. №4. С. 23-31. DOI: 10.31161/1995-0667-2018-12-4-23-31.

Linguosynergic Structuring of the World Picture

© 2018 Nikolay F. Alefirenko ¹, Iskander A. Agleev ², Jindřich Kesner ³

¹ Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia; e-mail: n-alefirenko@rambler.ru

² Astrakhan State University,
Astrakhan, Russia; e-mail: iskrist@list.ru

³ University of Hradec Králové,
Czechia; e-mail: jindrich.kesner@gmail.com

ABSTRACT. The aim of the article is considering the basic terms of the theory of linguistic synergetics and determining its place and role in the world picture modeling. **Methods:** comparison of the studied material, component analysis of phrasemes. **Results.** The authors draw attention to their interaction in cognitive-discursive research, analyze the examples of the structural asymmetry of culturemes in different linguocultures. **Conclusions.** The world picture modeling is the linguosynergic semiotic area, covering the diachronic conceptosphere in conjunction with the modern model, connecting the individual layers of the ethnocultural holistic Gestalt.

Keywords: discourse, linguistic synergetics, holistic mental structure, paradigmatic and syntagmatic relations.

For citation: Alefirenko N. F., Agleev I. A., Kesner J. Linguosynergic Structuring of the World Picture. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences. 2018. Vol. 12. No. 4. Pp. 23-31. DOI: 10.31161/1995-0667-2018-12-4-23-31. (In Russian)

Лингвистика последних десятилетий характеризуется появлением интеграционной парадигмы – лингвистической синергетики, на авансцене которой все более востребованной оказывается межотраслевое структурирование постоянно меняющейся картины мира (КМ).

Цель нашей статьи – показать, каким образом лингвосинергетика влияет на моделирование КМ.

Методы исследования: сопоставление как различных точек зрения на основные термины и понятия, затрагиваемые в работе, так и языковых единиц, приводимых в качестве иллюстративного материала; частично применяется компонентный анализ фразем.

Результаты исследования

Лингвистическая синергетика оперирует такими понятиями, как *модель мира*, *образ мира*, *языковая картина мира* и *языковое сознание*. Понятие *картина мира* (термин Л. Витгенштейна привнесен в лингвосемиотику Л. Вайсгербером) нередко употребляется как научная метафора с размытым, далеким от терминологического, содержанием. Чтобы это словосочетание приобрело истинно терминологическое значение, в его содержании необходимо отразить минимально три синергетические составляющие: а) гносеологическую, б) способность к интерпретации отраженного в сознании материала, в) свойства семиотического переосмысления. Остановимся на моментах преобразующей интериоризации, при которой в языковом сознании образуются внутренние структуры психики с помощью присвоения внешней социальной деятельности дискурсивно-прагматических концептов, идеализирующих жизненный опыт с его последующей семиотизацией. Ср.: семантика фраземы *рубить сплеча* ('говорить прямо, резко, не стесняясь, не считаясь ни с кем и ни с чем') связана с интериоризацией деятельности древосеков: глагол *рубить*, как известно, в старину употреблялся в значении 'разить, т. е. наносить удар', а наречие *сплеча*, образованное от устаревшей предложно-падежной формы *с плеча* ('наотмашь'), занимало синтаксическую позицию обстоятельства.

Фраземы второго типа обязаны перцептивной интериоризации. Так, ФЕ *лезть на рожон* – результат интериоризации охотников, в сознании которых запечатлился гештальт (целостная картина: разъяренный медведь лез на рогатину или рожон – широкий нож, заточенный с обеих сторон, – и сам хватался за них лапами). В современном сознании носителей русского языка означаемое этой фраземы никак не мотивирует его означающим: мы воспринимаем ФЕ в значении 'предпринимать что-либо заведомо рискованное'.

Фразема *ободрать как липку* демонстрирует обиходно-хозяйственную перцепцию. Впечатление от столь немудреного, но необходимого в хозяйстве ремесла глубоко вошло и в языковое сознание. И в наше время с лип собирают цветы для приготовления целебного чая. Наши мудрые предки усвоили, что липовый цвет насыщен витаминами, а вот о пользе липовой коры забыли, употребляя немотивированную фразему *ободрать как липку* в значении 'отнять у кого-либо все имущество, деньги, ободрать дочиста'. Со временем у фразеологизмов такого типа значительно расширилось значение, обогатилась коннотация. Употребляя данное выражение, нередко в него и имплицитные смыслы. Услышав, что кого-то ободрали как липку, представляешь ситуацию ограбления. Значение фраземы менялось: лишение кого-либо обуви (первоначально лаптей или другой обуви из лыка) → лишение кого-либо вещей или денег → процесс крупного воровства, лишения материальных ценностей. Приведем примеры расширения значения: *Разбойник мужика как липку ободрал* (Крылов); *Компанию («Башнефть») ободрали как липку* (интервью пресс-секретаря «Роснефти» М. Леонтьева).

Чтобы представить синергетическую обработку данной ФЕ, необходимо сопоставить ее истоки синергетическую интериоризацию, «участниками» которой выступают историческая память, когнитивная метафора, семиотические переносы в рамках коммуникативного события – речемыслительной модели ФЕ. Для этого следует обратиться к этимологии. Сбор и обработка лыка, из которого делались лапти, было

одним из древних ремесел на Руси. Как правило, лыко драли с липы, после окончания заготовок эти деревья стояли с ободранной корой, так как селяне обдирали практически все липы. Так простое коммуникативное событие, которое, конечно, можно назвать древесным вандализмом, позже разрослось в бандитизм.

Называя процесс крупного воровства, когда насильно лишают материальных ценностей, как правило, заработанных честным трудом, вспомнили старое выражение *обдирать как липку*, а в разговорно-брутальной речи появился неологизм *обдиралово* с вариантом *обдираловка*. Преобразованный результат отражения обыденной КМ в коллективном сознании – когнитивный субстрат данного концепта. Причем под креативным восприятием мира мы понимаем итог логического и чувственного познания. Этим, собственно, и определяется его преобразующий и интерпретирующий характер, без которого ЯКМ немислима.

Отображение в этносознании ментальных представлений об окружающем формирует языковую картину мира – своеобразный микромир культуры, средством существования которого служат т.н. народные, или наивные, концепты [13, с. 40], понятия, возникающие как итог сегментации ЯКМ на микрофрагменты, которые могут соответствовать любым известным человеку жизненным событиям, и отсюда называемым «возможными мирами».

Поскольку такие картины мира относятся к идеальным конструктам, им всегда соответствует объективирующий коррелят, т.н. семасиологическое понятие *семантика возможных миров*, важнейшей единицей которого выступает слово-концепт, по сути, имя соответствующего семантического поля и речемыслительный центр, посылающий смысловую энергию порождаемому им дискурсу.

Природа самого концепта обуславливает концептопорождающие свойства дискурса. Таким образом, концептопорождающий потенциал дискурса обусловлен его природой. Мы считаем, что формирование дискурса обычно концентрируется вокруг некоторого макроконцепта, в результате

чего создается определенная смысловая конфигурация контекста, куда входит вся информация о субъекте речемышления, объектах и пространственно-временных координатах.

Обобщенный результат отражения физической картины мира в коллективном сознании – когнитивная сущность данного понятия, причем под отражением действительности понимаем результат двуединого процесса – логического и чувственного познания, чем определяется его творческий, преобразующий и интерпретирующий характер, представленный в картине мира социума. Преобладание первого или второго аспекта познания обуславливает семиотическую природу средств репрезентации понятия *картина мира*. Здесь следует исходить из того, что это нерасчлененный «логико-словесный конструкт» (Г. А. Брутян). Но в исследовательских целях такой нерасчлененный конструкт целесообразно представить в виде двух относительно самостоятельных картин: логической (ЛКМ) и языковой (ЯКМ). В основе ЯКМ лежит относительно спорная категория – языковое сознание. Так, М. В. Никитин пишет, что «не удастся найти разумных оснований, которые бы оправдывали существование таких ментальных структур, как "языковой концепт", "языковое значение" и <...> "языковое сознание" в собственном смысле этих слов» [10, с. 276]. Так ли это? Попытаемся найти «разумные основания» их сосуществования, так как это важно для когнитивно-дискурсивного исследования. С одной стороны, оно позволяет осмыслить истинную роль языка в структурировании единой картины мира, а с другой – выявить смылогенерирующую функцию мыслительных операций в процессе формирования семантики типологически разных языковых знаков (словоформ, фразем, паремий и т. п.), т. е. знаков прямой и непрямой (вторичной и косвенно-производной) номинации.

Синергетика физической, логической и языковой картин мира порождается сложными и неоднозначными отношениями. Поскольку они выделяются условно в едином логико-лингвальном конструкте, их расхождение одновременно и минимально, и значимо. Изображение их в виде трех

эйлеровских кругов и наложение друг на друга показывает, что в некоторых сегментах они совпадают. Особенно это очевидно при наложении на логическую картину нескольких ЯКМ: ЛКМ нередко оказывается общей для сопоставляемых ЯКМ. И все же за пределами этих совпадений существуют весьма существенные по своей национально-культурной специфике зоны, что имеет исключительно важное значение для понимания природы языковой семантики в целом и косвенно-производной семантики в частности.

На наш взгляд, генератором и носителем как логической (универсальной), так и идиоэтнической информации является язык, точнее, языковая семантика. Соотношение в семантической структуре универсального и идиоэтнического обуславливается характером когнитивной категории, лежащей в основе семантики языкового знака, что определяет тип языкового знака.

Логико-предметное содержание элементов ЯКМ связано с *понятиями*, а экспрессивно-образное и эмотивно-оценочное содержание ЯКМ – с *представлениями*. *Понятия* – суть объективно формируемого сознания, вербализованные терминами, терминосочетаниями и лексикой первичной номинации, а *представления* – элементы субъективно сложившегося обыденного сознания, отфильтрованные в идиоэтническом десигнате соответствующего языкового знака и объективируемые знаками вторичной и косвенно-производной номинации (метафорами, ФЕ, паремиями). Особую значимость имеют знаки, базирующиеся на когнитивных категориях, совмещающих в себе отражения универсальных и идиоэтнических отражений действительности, актуальные и возможные миры. Сведения о реальном мире образуют такие разновидности картины мира, как *концептуальная, физическая, научная картины мира* (внутри которой выделяют отраслевые модели типа *естественнонаучная, химическая, биологическая, техническая* и др.).

Исходной структурой дискурса служат последовательно выстроенные элементарные пропозиции, связанные между собой логическими отношениями конъюнкции,

дизъюнкции и т.п. По модели конъюнкции могут выстраиваться высказывания из нескольких фраз, но больше двух, объединенных логической связью, транслируемой союзом *и*, употребляющимся перед вторым и последующими предложениями.

Классическим примером конъюнктивной модели является пушкинское *Прозрачный лес один чернеет, И ель сквозь иней зеленеет, И речка подо льдом блестит*. Заметим, что в модели конъюнкции может быть употреблен и синонимичный *и* союз *да*: *Осинник зябкий, да речушка узкая, да синий бор, да желтые поля* (Сурков).

Вторая связь дизъюнкция – взаимодействие – исходная структура дискурса, по своему применению весьма приближенная к союзу *или* в смысле «или то, или это». Ср. русскую поговорку *Либо грудь в крестах, либо голова в кустах* в значении ‘рискнуть, положиться на удачу’. Коммуникативное событие для данного дискурса – полная солдатской бравады поговорка *Либо награды за храбрость, либо смерть*.

Лингвосинергичным моделированием картины мира послужила ситуация, когда кто-либо предпринимал рискованное, но сознательное, спланированное действие, осознавая, что, если не повезет, последствия будут трагическими. Микроконцепт в этой ситуации – «Грудь в крестах» (имелось в виду получение унтер-офицерами и солдатами за проявленную выдающуюся храбрость Георгиевских крестов, которые *носили на груди*). В дальнейшем при сохранении дискурсивной ситуации данный микроконцепт преобразовался в макроконцепт, послуживший источником смыслопорождения текста, не имеющего отношения ни к военной службе, ни к военным наградам: – *Завтра к главному инженеру пойду, – сказал Солохин. – Я из Бриза всю душу выну, а они мне сделают. Потому, если я что решил – все! Или грудь в крестах, или голова в кустах* (Трифонов).

Архаизированный микроконцепт и его вербализация входят в общую когнитивную стилистику через своего рода стилистический фрейм: стилистическую согласованность тоже с устаревшим фразеологизмом *душу вынуть* из кого – ‘устар. экспрес.

1. Убивать, умерщвлять кого-либо: *Помещик у нас больно лют. Бьют, колотят, только душу не вынимают* (Короленко).

Элементами дискурса являются уже упомянутые события, их участники, перформативная информация и обстоятельства, сопровождающие события, то есть за дискурсом стоит особый мир. Как отмечает Ю. С. Степанов, дискурс – один из «возможных миров» многосложной структуры. Так же, как и другие языковые единицы, в отношении структуры дискурс является двусторонним образованием, характеризующимся, с одной стороны, планом выражения, а с другой – планом содержания. Ключевые концепты, впитавшие смысловую и экспрессивно-оценочную энергетику определенного коммуникативного события, содержат свернутые модели дискурсивной деятельности. А семантическая структура дискурса, в свою очередь, составляет единство трех аспектов: реляционного, референциального, предикационного.

В результате сложнейших лингвокогнитивных преобразований дискурса лингвокреативное мышление способно порождать знаки не только номинативно-производной, но и косвенно-производной номинации. Возникнув в определенном дискурсивном пространстве, они характеризуются единой логико-культурно-языковой синергетикой, что выражается в асимметрическом дуализме формы и содержания, когда *смысловое содержание означаемого знака не вытекает непосредственно из линейно организованного смысла означаемого*. Асимметрический дуализм знаков косвенной номинации обуславливается их генетической природой: они порождаются потребностью речемышления в образно-прагматических средствах – в вербализации чувств, эмоциональных оценок, способов эмоционального воздействия, ярких и метких характеристик человека, предметов и явлений.

Когнитивную сущность дискурсивного знакообразования М. Лацарус и А. А. Потенция обозначили как «сгущение мысли»: апперцепция в формирующемся знаке «сгущает чувственный образ, заменяя все его стихии одним представлением...» [11,

с. 194]. В результате ослабления внутренних форм слов и их переосмысления в дискурсивном пространстве формируется несоответствие означаемого означаемому, что может быть еще одним подтверждением концепции структурной асимметрии языкового знака (теперь уже дискурса) Ш. Балли [4, с. 158–209]. Причем дискурсивное знакообразование осуществляется в процессе возникновения совмещенной асимметрии парадигматического и синтагматического характера [11, с. 137]. Синтагматическая асимметрия проявляется в том, что целостная мыслительная структура (*концепт, гештальт, фрейм*) представляется в знаках образной номинации, как правило, расчлененно, в виде многокомпонентного означаемого, ср.: *тише воды, ниже травы* – ‘робкий (стеснительный, скромный, незаметный)’; *одним миром мазаны* – ‘одинаковы’. Приведем примеры подобного рода из разноструктурных языков: *ablaufen wie das Wasser am Entenflügel* (букв. стекать как вода с утино крыла) – ‘никакого воздействия, все нипочем, безразлично’ (нем.); *өтірікті қардай борату* (букв. сочинять, как ветер снег сдувает) – ‘лгать, говорить неправду, врать’ (каз.), *айдан төшкән кебек* (букв. как с луны спустился) – ‘совсем ничего не понимать, ни в чем не разбираться’ (тат.), *wie die Made im Speck leben* (букв. жить как личинка в шпике) – ‘жить вольготно, в достатке’ (нем.) и др. [1, с. 74, 76]. Парадигматическая синтагматика знака приводит к несоответствию ее смыслового содержания означаемому (в его прямо-номинативном восприятии). Например: *рубить сплеча* – ‘поступать необдуманно, горяча’, ‘говорить резко, грубо’; *мозолить глаза, набивать оскомину* – ‘надоедать постоянным, навязчивым присутствием рядом’, соотносимые с татарскими устойчивыми выражениями *йөдәтеп бетеру, тәнкәгә тию* и лексемой *ялыктыру* (‘назойливое прикосновение, навязчивое, постоянное присутствие рядом’), *пешкән шалкан* (букв. вареная репа) – ‘неспособный, недотепа’ (тат.). Это несоответствие означаемого означаемому наглядно при анализе фразем с компонентом *душа* в славянских языках и компонентами *жан/куңел* в

татарском языке и их фонетическими вариантами в других тюркских языках: *душа поет, разрывается, в пятки ушла, жить душа в душу* и т. д. В татарском языке в тождественных по смыслу фраземах может употребляться и компонент *жан*, практически полный эквивалент русской лексемы, и – чаще – полисемант *куңел*, не имеющий однозначного перевода на русский язык. Так, достаточно частотна асимметричная в отношении *означаемое–означающее* фразема *куңел йомшарып китү* (букв.: душа стала мягкой, смягчилась) в значениях ‘растрогать душу’, ‘расчувствоваться’. Помимо единиц вторичной номинации со смысловым содержанием *внутренний мир* человека, его переживания, во многих языках представлены и знаки, которые можно рассматривать как лингвокультуремы особого рода, обозначающим которых является языковой знак в его билатеральном единстве, а обозначаемым – артефакты, т. е. искусственно изготовленные предметы, функции, обычаи, речеповеденческие тактики и этно-культурно-прагматические ситуации.

Асимметрия культурем обнаруживается при их сопоставлении в разных лингвокультурах, когда синтагматические и парадигматические несоответствия проявляются между знаками и обозначаемыми реалиями. Особенно важно, несмотря на сложность, выявить структурную асимметрию культурем в близкородственных лингвокультурах: рус. *мелкая сошка* – ‘незначительный человек, с которым никто не считается’, ‘никудышный человек’; блр. *абсваку полі* – ‘ничего не стоящий человек, хуже других, заслуживающий презрения’; укр. *не вартий (ломаного) гроша (шага, шеляга, фунта, клочья)* – ‘никчемный, хуже всех’; пренебрежительная оценка *чучело гороховое* по отношению к недалекому, глуповатому (первое значение) или небрежно, безвкусно одетому (второе значение) человеку в русском языке и украинское *опудало горохове*. Кружащиеся в воздухе и падающие хлопьями снежинки, особенно когда речь идет о первом снеге, поэтически обозначаются фраземами *белые мухи* в русском языке и *мухи білі* в украинском, хотя

трудно вообразить, что в обыденной жизни насекомые, наименование которых вошло в качестве компонента в данные фраземы, кажутся столь романтическими.

В коммуникативно-прагматической ситуации, когда требуется выразить иронически-презрительное отношение к человеку, который сам о себе много мнит, переоценивает свое общественное положение, в русской лингвокультуре используется идиома *шишка на ровном месте*, а в украинской – *чий не пуп землі*. Презрительное *бесструнная балалайка* в русской лингвокультуре используется для меткой, лаконичной характеристики болтливового человека, пустомели. Татарский эквивалент этой фраземы – *ярык барабан* (букв.: дырявый барабан).

Как видим, непрямые номинации обладают языковыми, когнитивными и культурными признаками, эксплицитно или имплицитно сохраняя синергетику родства с дискурсом, ее породившим. Их когнитивную сущность предопределяют: (а) способность кодировать и сохранять знания; (б) герменевтическая функция, заключающаяся в трансформации, интерпретации и обогащении исходной информации; (в) концептуализация и категоризация вербализованного мира. Культурный компонент знаков непрямой номинации создается их семиотичностью, символичностью и связью с этнокультурным сознанием народа. Культурно-прагматическое содержание дискурса включает в себя достаточно широкий смысловой спектр: интенциональный, ориентационный (дейктический), пресуппозиционный, импликационный, экспресивно-оценочный, субкодовый (функционально-стилистический), модальный и коммуникативно-информационный (фокальный) компоненты [14, с. 9], которые и определяют коммуникативно-прагматические свойства языковых знаков и, следовательно, своеобразие языкового сознания и ЯКМ. Таким образом, в процессе лингвистического моделирования картины мира выстраивается известная синергетическая пирамида когнитивно-дискурсивного характера: КМ – этномикромир – дискурс – культурема – концепт – языковое сознание > ЯКМ.

Картина мира выступает основополагающим понятием при исследовании взаимоотношений человека с окружающей действительностью, рассматривается как компонент его мировидения, является результатом общечеловеческого и индивидуального знания о мире. Современная КМ представлена системой естественных и гуманитарных знаний о природе, обществе и человеке, объективирующей определенный ее сегмент.

Понятие *модель мира* понимается как *сетка координат*, с помощью которой люди воспринимают действительность и строят образ мира в своем сознании. Можно предположить, что *сетка координат* может быть одинаковой у разных людей, но КМ, создаваемая ими в этих рамках, будет различна, что определяется различными экстралингвистическими факторами (коммуникативными, когнитивными, прагматическими, социокультурными). Определенную роль играют и лингвистические факторы, особенно когда речь идет о единицах вторичной номинации разноструктурных языков. Так, авторы двуязычных словарей (в данном случае русско-татарского) в качестве частичных эквивалентов приводят пару фразем и словосочетание: *мокрая курица – ужым бозавы, мэхлук жебегэн* (букв.: озимый лед, жалкое существо). При едином фразеологическом значении средства вербализации в этих разноструктурных языках абсолютно расходятся, разнятся и фразеологические образы, хотя это один объективируемый концепт 'Безвольный, бесхарактерный человек'.

Физическую картину мира рассматривают лишь как один из способов описания мира наряду с натуралистическим представлением о природе.

С понятиями *картина мира* и *модель мира* соотносится введенное А. А. Леонтьевым понятие *образ мира*, рассматриваемое как отображение предметного мира в психике человека [9]. *Образ мира* – это единство взаимосвязанных образов действительности, отображающих в этнокультурном сознании определенное восприятие мира. Всеобъемлющая характеристика образа дано В. И. Постоваловой, которая

специально не акцентирует внимание на разграничении понятий *картина мира* и *образ мира*: «Человек ощущает мир, созерцает его, постигает, познает, осмысляет, интерпретирует, отражает и отображает, пребывает в нем, воображает, представляет себе “возможные миры”. Образ мира возникает в различных актах мироощущения, мироощущения, мирозерцания, мировосприятия, мировидения, миропонимания, миропредставления, мирооценки, мироуяснения, в актах переживания мира как целостности». Интересна точка зрения А. А. Леонтьева, который на основании анализа взглядов ученых, представляющих образ мира как самоотражение мира, систему прогнозов и экстраполяции, интегратор следов взаимодействия человека и человечества с объективной действительностью, делает вывод о том, что в образе мира переплетаются непосредственное ситуативное отображение действительности и сознательное (рефлексивное) [9, с. 260-271]. Необходимо привести и мнение А. А. Залевской о разграничении понятий *картина мира* и *образ мира*: «...образ мира как достояние индивида симультанен, голографичен и многолик, функционирует на разных уровнях осознаваемости при обязательном сочетании "знания" и "переживания" и лишь в неполной мере поддается вербальному описанию» [5, с. 43].

Заключение

Осознавая, что понятия *картина мира* и *образ мира* тесно переплетены и их дифференциация возможна лишь в научных целях, мы считаем, что понятие *картина мира* шире понятия *образ мира*, это больше, чем представление о мире, связанные с когнитивным опытом индивидуума, особенностями его процессов рефлексии, эмоциональными переживаниями и т. д. *Образ мира* складывается в процессе всей жизни человека, это картина мира, способная изменяться под воздействием «деятельного ума», систематизированная совокупность образов, через которые осознается не только сам мир, но и характер ценностей, особенности миропонимания, оценка событий, объектов отображаемой действительности субъектом.

Соотношение понятий *модель мира* – *картина мира* – *образ мира* мы рассматриваем следующим образом: *модель мира* – это схема, заполняемая отображенными в сознании объектами окружающей действительности, она включает содержание КМ. В процессе работы «деятельного ума» фрагменты образного мира переплетаются, появляются новые ассоциации и т. д. В результате меняется рельеф образа мира, расширяется КМ, следовательно, изменяется ее каркас, модель мира. В дальнейшем этот процесс развивается по спирали.

Ядром образа мира выступает *научная картина мира*, рассматриваемая как форма систематизации научных знаний [12]. С точки зрения когнитивной лингвокультурологии, ядро *образа мира* составляют общие для этнокультурного сообщества языковые значения. В основе семантического пространства родного языка лежат взаимосвязанные слои целостного образа этнокультуры: *бытийный* и *рефлексивный* [6].

Представление о модели мира, описание КМ, отображение образа мира соотносится с понятием ЯКМ и рассматривается Е. С.

Кубряковой как особое образование, участвующее в познании мира, задающее образцы интерпретации воспринимаемого в динамической ретроспективе [8, с. 64–65]. Близок к данному пониманию этой категории и А. Киклевич: «Каждая ЯКМ должна быть соотнесена с определенным историческим контекстом, а теория ЯКМ должна быть дисциплиной диахронической» [7, с. 185]. Понимание языковой картины мира как диахронической категории позволяет осуществлять системное описание этнокультурной специфики слова (ср.: *разверзлись хляби небесные, от горшка два вершка, верста коломенская, без царя в голове, гол как сокол, гнуться в три погибели* и т. д.). Таким образом, моделирование картины мира – область лингвосинергийной семиотики, охватывающей диахроническую концептосферу в сопряжении с современной моделью, связывающей отдельные слои целостного гештальта этнокультуры (целостного образа, значительно более объемного, чем сумма его компонентов, бытийных и рефлексивных).

Литература

1. Аглеева З. Р. Фразеологизированные конструкции в разноструктурных языках. Астрахань: изд-во АГУ, 2015. 242 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-синергетическая методология современного лингвистического постмодернизма // *Przegląd Rusycystyczny*. Nr. 2(126). Katowice, 2009. S. 7-17.
3. Алефиренко Н. Ф. Понятие синергетического пространства лингвокультуры // *Вестник МГУ. Серия «Русский язык»*, 2009. Вып. 48(3). С. 19-22.
4. Бабли Ш. Французская стилистика. М.: Высшая школа, 1961.
5. Залевская А. А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // *Языковое сознание и образ мира: сборник статей.* / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000. С. 39–54.
6. Зинченко В. П. Миры сознания и структура сознания // *Вопросы психологии*. 1991. № 2.

7. Киклевич А. Притяжение языка. Т. 1. Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика. Olsztyn, 2007.
8. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Наука, 2004.
9. Леонтьев А. А. Формы существования значения // *Психолингвистические проблемы семантики*. М., 1983.
10. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. СПб.: изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.
11. Потебня А. А. Собрание трудов. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.
12. Ракитина С. В. Научный текст: Когнитивно-дискурсивные аспекты. Волгоград: Перемена, 2006.
13. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 1997.

References

1. Ageeva Z. R. *Frazeologizirovannyye konstruksii v raznostrukturnykh yazykakh* [Phraselogized constructions in structurally different languages]. Astrakhan: ASU publ., 2015. 242 p. (In Russian)
2. Alefirenko N. F. Cognitive-synergetic methodology of modern linguistic postmodernism.

- Przegląd Rusycystyczny. No. 2(126). Katowice, 2009. S. 7-17. (In Russian)
3. Alefirenko N. F. Concept of the synergetic space of linguoculture. Bulletin of MRSU. Series “Russian”. 2009. Issue. 48(3). Pp. 19-22. (In Russian)
4. Balli Sh. French stylistics. Moscow, Vysshaya Skola publ., 1961. (In Russian)

5. Zalevskaya A. A. National and cultural specificity of the world picture and different approaches to its study. Linguistic consciousness and image of the world: collection of articles. Exec. ed. N. V. Ufimtseva. Moscow, 2000. Pp. 39-54. (In Russian)

6. Zinchenko V. P. Worlds of consciousness and structure of consciousness. Issues of Psychology. 1991. No. 2. (In Russian)

7. Kiklevich A. Attraction of language. Vol. 1. Semantics. Text linguistics. Communicative linguistics. Olsztyn, 2007. (In Russian)

8. Kubryakova E. S. Language and knowledge: Towards knowledge of language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world. Moscow, Nauka publ., 2004. (In Russian)

9. Leontiev A. A. Forms of existence of meaning. Psycholinguistic problems of semantics. Moscow, 1983. (In Russian)

10. Nikitin M. V. Bases of cognitive semantics. Saint Petersburg, A. I. Herzen RSPU publ., 2003. (In Russian)

11. Potebnya A. A. Collection of works. Thought and language. Moscow, Labyrinth publ., 1999. (In Russian)

12. Rakitina S. V. Scientific text: Cognitive-discursive aspects. Volgograd: Peremena, 2006. (In Russian)

13. Stepanov Yu. S. Constants: dictionary of Russian culture. Moscow, 1997. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Алефиренко Николай Федорович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия; e-mail: n-alefirenko@rambler.ru

Аглеев Искандер Абдулович, аспирант кафедры современного русского языка, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия; e-mail: iskrist@list.ru

Кеснер Йиндржих, кандидат филологических наук, преподаватель русского языка как иностранного, Университет Градец-Кралове, Чехия; e-mail: jindrich.kesner@gmail.com

Принята в печать 12.10.2018 г.

THE AUTHORS INFORMATION

Affiliations

Nikolay F. Alefirenko, Doctor of Philology, professor of the chair of Russian Language and Methods of Teaching, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia; e-mail: n-alefirenko@rambler.ru

Iskander A. Agleev, postgraduate, the chair of Modern Russian, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia; e-mail: iskrist@list.ru

Kesner Jindřich, Ph. D. (Philology), lecturer of Russian as a Foreign Language, University of Hradec Králové, Czechia; e-mail: jindrich.kes-ner@gmail.com

Received 12.10.2018.